создали науку о современном русском языке. Шахматов впервые в университетской практике ввел курс современного русского языка в систему высшего образования. Еще в первой половине XIX в. курс современного русского языка не преподавался даже в гимназиях. Фортунатов на Первом совещании преподавателей (1889) поставил задачу и наметил пути сближения школьной и научной грамматики с целью совершенствования преподавания родного (русского) языка в школе. Первый Международный съезд славистов (Прага, 1929) рекомендовал «Синтаксис» А. М. Пешковского в качестве образца школьного пособия по родному (славянскому) языку. Было издано много обобщающих исследований, лекционных курсов, вузовских и школьных учебников по современному русскому языку (Шахматов, С. П. Обнорский, В. А. Богородицкий, А. А. Булаковский, М. Н. Петерсен, Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба и др.) и теоретическому языкознанию (А. И. Томсон, В. К. Поржезинский, А. Ушаков, А. А. Реформатский и др.).

Отечественные лингвисты приняли активнейшее участие в работе по нормализации современного русского языка и языков народов России: орфография, лексика, «Словарь» Ушакова и т. п. Тенденция к уточнению и систематизации понятийного аппарата лингвистики проявилась в создании первого в истории науки словаря лингвистических терминов (Дурново).

7.1. Прежний конгломерат различных лингвистических дисциплин превращен в целостную науку о языке — лингвистику, со своим предметом и методом. Уточнение предмета языкознания привело к обособлению фонетики и фонологии исторической грамматики и истории литературного языка, сравнительной грамматики родственных языков и науки о праязыке, лингвистики, психолингвистики и социолингвистики, синхронии и диахронии и т. д.

Идеи и методы лингвистической науки, апробированные на материале русского и славянских языков, были перенесены в финно-угроведение (Д. Бубрих), тюркологию (Н. К. Дмитриев), кавказоведение (Трубецкой, Яковлев), германистику (А. И. Смирницкий, В. Н. Ярцева). Фундаментальные идеи отечественного языкознания оказали благотворное влияние на формирование Пражской (Якобсон, Трубецкой, В. Матезиус) и Копенгагенской (Луи Ельмслев, Х. Педерсен, Х. Серенсен и др.), а также и Массачузской ветви американского структурализма (Якобсон и его ученики — М. Холле, Э. Станкевич, Г. Лант и др.).

В начале 20-х годов первая эмигрантская волна отечественной интеллигенции (Якобсон и Трубецкой, Макс Фасмер и В. Кипарский, С. М. Кульбакин, Б. Унбегаун, С. Карцевский и др.) принесла в Европу новые идеи славянского и общего языкознания и вместе со своими зарубежными однокашниками по Московскому университету, друзьями и коллегами достраивала велелепное здание лингвистики XX в. на прочном фундаменте, возведенном в России. В самом деле, читая и перечитывая многотомный обзор современного состояния языкознания «Current Trends», с удивлением замечаем, что лингвистика стала истинной наукой XX в. в Западной Европе, Америке и Японии, когда туда проникли идеи русских ученых. Проф. Э. Станкевич, один из редакторов этого обзора, неоднократно повторял: «Свет лингвистических идей идет с Востока, из России».

7.3. В последнем, 12-м томе Обзора, посвященном проблеме отношений языкознания и других наук, С. Маркус назвал лингвистику «Pilot Science»— ведущей наукой для всех наук гуманитарного цикла [14, с. 2871—2872]. Еще раньше, в 1949 г., К. Леви-Стросс, ознакомившись с фонологией, предсказал, что фонология сыграет такую же обновляющую роль в отношении гуманитарных наук, как ядерная физика — в отношении наук природоведческих.

Независимо от них Р. И. Аванесов в 1974 г. писал: «Фонология не только область языкознания, но и способ лингвистического мышления, элемент лингвистического мировоззрения. И действительно, каким бы разделом языкознания мы ни занимались, всюду встречаем понятия, сложившиеся в фонологии: оппозиция, корреляция, позиция и нейтрализация, маркированность и дифференциальный признак... Понятийный аппарат, зародившийся в фонологии, стал надежным инструментом лингвистических исследований. Фонология, как демиург,